

Николай КОНЯЕВ
г. Санкт-Петербург

Шлиссельбургский след

26 сентября – 310 лет освобождения Петром крепости Орешек

8 июля 1579 года на казанском пожарище откопали завернутый в ветхое вишневое сукно – это был рукав однорядки – чудотворный образ... Сама икона – таких еще не было на Руси! – была необычной, и вся она «чудно сияла светлостью», земная грязь еще не коснулась образа...

Тотчас послали известить Казанского архиепископа Иеремию, но он посчитал излишним осматривать находку несмышленной девочки, и вместо него на пожарище пришел священник из ближайшей к пожарищу Николо-Гостинодворской церкви. Первым этот священник и поднял икону, чтобы благословить ею народ.

Звали священника Ермолай...

Уже на следующий день начались исцеления. Перед иконой прозрел казанский слепой Никита... Но оказалось, что образ Казанской Божией Матери дарует и духовное прозрение.

И самое первое чудо от него – это самовидец, как он потом называл сам себя, священник Ермолай, который и поднял из черноты пепелища чудотворный образ, чтобы показать народу.

Пятьдесят лет исполнилось ему тогда, но слов-

но и не было их – в непроницаемых сумерках времени скрыта жизнь иерея Ермолая. И только когда он взял в руки чудотворный образ Казанской Божией Матери, спала пелена с глаз русских людей – во всей духовной мощи явился перед ними облик великого святителя, будущего патриарха Гермогена.

И, конечно, никто не догадывался тогда, что чудо, которое совершила икона, превратив иерея Ермолая в грозного святителя, было только прообразом чуда, совершенного 22 октября 1612 года, когда вдруг очнулись перед Пречистым Лицом Казанской иконы Божией Матери разьединенные политическими симпатиями и антипатиями русские люди и, ощутив себя единым народом, сбросили с себя вместе с обморочностью смуты и ярмо чужеземных захватчиков.

Тогда загудели колокола в московских церквях и двинулись на штурм Китай-города ратники князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Единым приступом был взят Китай-город, и поляки укрылись в Кремле, чтобы через три дня сдать на милость победителей.

1

Слухи о необычной иконе и тех чудесах, которые были явлены от нее, растеклись по Руси еще до освобождения Москвы, но после 1612 года к иконе пришла всенародная слава, и празднование ее стало совершаться не только в Казани 8 июля, но и в Москве – 22 октября.

Князь Дмитрий Пожарский на свои средства построил в Москве, на Красной площади, Казанскую церковь, где долгое время хранился тот самый список с иконы, перед которым молились ратники, шедшие освобождать Москву.

Три с половиной десятилетия спустя, 22 октября 1648 года, на праздник «чудотворная иконы Казанския, во время всеобщего пения» родился наследник престола царевич Дмитрий, и царь Алексей Михайлович повелел праздновать Казанскую икону «во всех городах по вся годы», как бы редактируя при этом и содержание самого праздника.

Но первенец царя Алексея Михайловича вскоре умер, и праздник – осеннее почитание Казанской иконы Божией Матери сделалось всенародным – остался в прежнем своем значении.

С этого времени и начинается настоящее торжество чудотворных образов Казанской иконы Божией Матери по всей стране.

Одно из таких чудес произошло и в Шлиссельбурге в 1702 году.

Часовой, стоявший на карауле, заметил исходящий из стены свет.

Наутро в стене появилась трещина, и когда раскрыли кирпичную кладку, увидели, как появляется из стены Младенец, простирающий руку для благословения, увидели Богоматерь, склонившую к Сыну свою голову.

Это был замурованный здесь в 1612 году образ иконы Казанской Божией Матери.

«Эта местная святыня, – писал последний настоятель Шлиссельбургского крепостного храма Рождества Иоанна Предтечи протоиерей Иоанн Флоринский, – оставшаяся в иноверческой земле, могла бы исчезнуть бесследно, как исчезли сами православные церкви в Орешке с их украшениями и утварью, если бы заботливая рука одного из оставшихся в Орешке ревнителей православия не скрыла эту духовную ценность от глаз иноверных. Икона была замурована в стене древнего русского крепостного храма, и здесь-то она сохранялась в течение почти целого столетия. Православные ореховцы надеялись таким образом предохранить драгоценный образ небесной Вла-

дычицы от поругания иноплеменных, твердо веря, что Царица небесная Сама освободит свой образ от временного заточения и возвратит принадлежащий Ей храм и покровительствуемую Ею древнерусскую область в руки православных».

Видимо, так и было...

Может быть, список Казанской иконы Божьей Матери не успели вывезти из Орешка, когда заключен был Столбовской мир, по которому крепость отошла Швеции, но скорее всего защитники замуровали икону в надежде на то, что она поможет вернуть России ее невскую твердыню...

Уместно вспомнить здесь, что Тихвинскую икону Божией Матери, проплывшую 26 июня 1383 года в небе вблизи Шлиссельбурга, тоже замуровывали в свое время в стене Пантократорской обители, чтобы спасти от еретиков-иконоборцев...

В этом повторе истории, дивным отсветом ложащемся на само явление шлиссельбургской иконы, обнаруживается глубокий мистический смысл. Шлиссельбургская икона как бы соединяет в себе две иконы, одна из которых, Тихвинская, именуется Охранительницей северных рубежей России, а другая, Казанская, Спасительницей нашего Отечества.

Тихвинскую – тогда она называлась Влахернской! – икону освободили через шестьдесят лет.

Шлиссельбургская икона пробыла в каменном плену девяносто лет...

2

Попытки освободить Орешек предпринимались еще в правление царя Алексея Михайловича. Осенью 1656 года Нотебург осадил войско воеводы Петра Ивановича Потемкина.

Сорокалетний полководец уже брал и польский Люблин, и шведский Ниеншанц, жег шведские поселения на Котлине, громил шведские корабли, но с Орешком дело у него не заладилось.

Хотя Петр Иванович и начал бомбардировку крепости, установив орудия на Монастырском острове, шведы держались твердо.

– Яблоко и грушу легче раскусить, чем такой орех! – ответил комендант крепости майор Франс Граве на предложение о сдаче, и предок великого Григория Потемкина вынужден был отвести войска.

В музее Прадо в Мадриде экспонируется портрет Петра Ивановича Потемкина, который Хуан Каррено де Миранда написал спустя десятилетие после нотебургской неудачи.

На портрете много золотой парчи и дорогого меха, а еще больше важности, которую как бы вносит собою царский посол Петр Иванович Потемкин, но схожая по цвету с осенней ладожской водой седина бороды омывает лицо русского стольника, так и не сумевшего раскусить шведский орех.

Разгрызать его пришлось Петру I.

Взятие Нотебурга он считал чрезвычайно важной задачей, и подготовка к штурму велась предельно тщательно.

Некоторые историки полагают, что и легендарное перетаскивание волоком по Государевой дороге кораблей из Белого моря в Онежское озеро тоже было связано с подготовкой к штурму Орешка.

Тогда за два месяца мужики и солдаты протаскивали по лесам и болотам корабли «Святой дух» и «Курьер» и, пройдя по Онеге, Свири и Ладоге, корабли эти якобы подошли к устью Невы, хотя и непонятно, что они делали здесь при штурме Нотебурга.

Ну, а настоящие русские войска подошли к Нотебургу 26 сентября 1702 года. Всего Петр I собрал на берегу Невы четырнадцать, включая гвардейские Семёновский и Преображенский, полков.

3

Русский лагерь был разбит на Преображенской горе.

Осаду – гарнизон Нотебурга во главе с комендантом подполковником Густавом фон Шлиппенбахом насчитывал около 500 человек и располагал 140 орудиями – вели по всем правилам.

Под непосредственным наблюдением самого Петра I по трёхверстной лесной просеке протаскивали из Ладожского озера в Неву лодки. На этих лодках солдаты Преображенского и Семёновского полков переправились на правый берег Невы и захватили там шведские укрепления.

Потом из лодок устроили наплавной мост, связавший невские берега...

Когда кольцо осады замкнулось, к коменданту Нотебурга был «послан трубач с предложением сдать крепость на договор». Густав фон Шлиппенбах просил отсрочки на четыре дня, чтобы снестись с нарвским обер-комендантом, которому он подчинялся. В ответ 1 октября русские батареи открыли артиллерийский огонь по крепости.

Бомбардировка продолжалась непрерывно в течение одиннадцати дней.

Начали гореть деревянные постройки, плавилась свинцовые кровли башен, ночью Неву освещало зарево пожара, и казалось, что река налилась кровью. Течение уносило зарничную кровь к Финскому заливу, к шведской крепости Ниеншанц.

3 октября парламентар-барабанщик передал просьбу жен шведских офицеров, умолявших выпустить их из Нотебурга ради великого беспокойства от огня и дыма.

– Если изволите выехать, изволили б и любезных супружников своих с собою вывести купно! – галантно ответил шведским дамам Петр I.

«Сей комплимент знатно осадным людям показался досаден», – сказано в «Книге Марсовой», и бомбардировка Нотебурга возобновилась.

Всего по крепости было выпущено свыше 15000 ядер и бомб.

В крепостной стене появились огромные бреши, сквозь которые могли пройти маршем в ряд 20 человек. Правда, находились эти пробоины слишком высоко над землей, но Петр I, рассматривавший Нотебург с Преображенской горы, результатами артподготовки остался доволен.

«Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила», – сообщал он в письме А.А. Виниусу.

Следы петровской бомбардировки Нотебурга можно найти и сейчас.

«Под дерном оказались свежие напоминания о минувшей войне: битый кирпич, щебенка, осколки мин, – пишут в своей книге «Крепость Орешек» А.Н.Кирпичников, В.М. Савков. – Ниже стали попадаться осколки ядер, которыми при Петре I обстреливали с материка крепость в 1702 году. А вот и неразорвавшаяся трехпудовая мортирная бомба – одна из 3000, выпущенных по шведскому гарнизону. Частицу извлеченного изнутри пороха удалось воспламенить. Горел он разноцветными искрами...»

4

Таковыми же разноцветными искрами 310 лет назад рассыпались три сигнальных выстрела, возвестивших ночью 11 октября начало штурма.

Ударили барабаны.

Сквозь ночную темноту ладьи пошли к крепости, озаряемой пламенем пожаров. Их сносило сильным течением, и гребцы налегали на весла.

Так начался штурм.

Взятие Нотебурга (Орешка) – одна из самых ярких и значительных побед Петра I.

Подготовка к штурму была проведена тщательная, но, стеснённые на полоске земли между крепостными стенами и водой, русские полки все равно несли огромные потери.

К тому же и приготовленные лестницы оказались слишком короткими и десантники не смогли подняться к пробоинам и с ходу ворваться в крепость.

Тем временем шведы развернули орудия и начали бить напрямую.

И был момент, когда заколебался Петр I и даже послал на остров офицера с приказом командиру штурмующего отряда подполковнику Семёновскому полка Михаилу Голицыну отступить.

– Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий, – ответил посыльному Голицын и, взобравшись на плечи солдата, стоящего наверху лестницы, залез в пролом. – Вперед, ребята!

Бесконечно длился кровопролитный бой, но шведы не выдержали.

«Неприятель от множества нашей мушкетной, так же и пушечной стрельбы в те 13 часов толь утомлен и видя последнюю отвагу тотчас ударил шамад...»

Это в пятом часу дня Густав фон Шлиппенбах велел ударить в барабаны, что означало сдачу крепости.

Нотебург был взят.

Сохранились списки русских солдат, павших при штурме крепости...

Лейб-гвардии Преображенского полка: майор Давыд Гаст, капитаны – князь Иван Львов, Иван Рукин, Андрей Валбрехт, поручики – Яков Борзов, Дмитрий Емцов, Василий Ивановский, Павел Беляев, сержанты – Андрей Ребриков, Алексей Ломакин, Семен Котенев, рядовые – Афанасий Лобоз, Яков Тибеев, Григорий Соколов, Семен Мишуров, Иван Чесноков, Клим Варенихин, Гаврило Башмаков, Иван Писарев, Никифор Ляблицов, Козьма Фомин, Илья Кондаков, Максим Демьянов, Петр Жеребцов, Андрей Посников, Фома Следков, Василий Воробьев, Петр Булкин, Петр Белаш, Стефан Тяпкин, Алексей Дубровский, Федор Оставцов, Павел Копылов, Иван Фомин, Сергей Кондратьев, Лука Александров, Петр Аксентьев, Федор Ефимов, Фрол Чурин, Ерофей Пылаев, Яков Голев, Иван Сидоров, Никифор Котловский, Прокофий Коротаев, Андрей Котенев, Савва Тихонов, Иван Злобин, Парфен Палкин, Ефим Черкашенинов, Прокофий Юрьев, Ва-

сий Чириков, Яков Бута, Григорий Пыхоцкий, Федор Булатов, Никита Ефимов, Иван Романов, Федор Путимцев, Иван Лебедев, Матвей Черкасов, Трофим Титов, Иван Чебалов, Тихон Лелнев, Яков Тихомиров, Иван Быков, Федот Коротаев, Яков Отавин, Савелий Лисицын, Иван Волк, Иван Ершов, Мирон Неустроев, Федор Беляев, Лаврентий Путилов, Семен Казаков, Федот Махов, Федор Казаков, Иван Мозалев, Петр Крюков, Антон Ремезов, Ефрем Быков, Иван Дроздов, Борис Домкин, Иван Ерофеев, Никифор Лапин, Агафон Уланов, Иван Жуков, Козьма Сайников, Григорий Бровиков, Викуль Заблоцкий, Козьма Носов, Мартын Дудырин, Иона Кабин, Иван Нагаев, Тимофей Жданов, Иван Иванов, Петр Шевелев, Иван Федотов, Данила Бавин, Дмитрий Соловьев, Нестор Титов, Тит Батулин, Федор Бадаев, Козьма Соболев, Семен Сербин, Пантелей Матвеев, Михайло Медведев, Агафон Толанков, Анисим Посняков, Михайло Попрытаев, Андрей Кудряков, Григорий Зыков, Матвей Полчанинов, Козьма Кузовлев, Леонтий Смольянинов. Барбанщик Никифор Панков.

Лейб-гвардии Семеновского полка: майор Кондратий Мейер, капитан Егор Колбин, поручики – Федор Лихарев, князь Алексей Шаховский, Иван Дмитриев-Мамонов, капрал Гаврило Шапилов, рядовые – Федор Струнин, Семен Борзов, Григорий Каменский, Егор Туменев, Иван Павловский, Яков Кудрявцев, Иван Данилов, Алексей Ураков, Спиридон Беляев, Иван Богатырев, Григорий Кудрявой, Василий Мартьянов, Иван Оборин, Андрей Кириллов, Никифор Коржавин, Сергей Нагаев, Федор Бычков, Зиновий Паршин, Григорий Овсянников, Иван Волох, Максим Папонов, Данило Никифоров, Дмитрий Шаров, Ларион Деделин, Терентий Белоусов, Павел Чеботарев, Федор Захаров, Леонтий Воробьев, Иван Нижегородов, Анисим Чистяков, Тимофей Стушкин, Иван Баскаков, Тимофей Борзов, Иван Никитин, Иван Зерковников, Егор Харитонов, Борис Грызлов, Михайло Осанов, Кондратий Лытков, Дмитрий Волох, Фрол Зайцев, Сидор Фролов, Федор Старичков, Данило Шатилов, Еремей Щеголев, Степан Шатаков, Ларнок Сухарев, Козьма Лукоренский, Афанасий Торворов, Кондратий Эрнев, Константин Глазунов, Яков Ушаков, Василий Панов, Иван Дубровин, Степан Хабаров, Иван Заварзий, Козьма Федотов, Петр Братин, Тихон Казимеров, Иван Радивилов, Кондратий Манзурьев, Афанасий Фармос, Осип Абрамьев, Федор Васильев, Ефим Глазунов, Аким Короткий,

Михайло Кудринс, Василий Власов, Терентий Лоботков, Иван Быстров, Семен Побегалов, Евстифей Иванов, Софрон Шемаев, Гордей Богданов, Степан Гребенкин, Кирила Соловьев, Козьма Медведев, Трофим Судоплатов, Григорий Катов, Андрей Коровин, Михайло Дбяков, Василий Мамонтов, Афанасий Подшивалов, Герасим Ротунов, Иван Сорокин, Анисим Зверев, Алексей Шабанов, Иван Волобаев, Самойло Звягин, Павел Иванов, Федор Замолнев, Михайло Шепелев, Иван Лутошный, Кирилл Беликов, Игнатий Евсеев, Никифор Минин, Артамин Мордвинов, Василий Трубач, Матвей Соседов, Петр Безчасной, Матвей Клужетов, Роман Маслов, Василий Лыков, Дмитрий Филатов, Сергей Барков, Гаврило Осипов, Иван Приезжей, Анисим Сомароков, Данил Леонтьев, Аким Гигмонов, Афанасие Иевлев, Андрей Лебедев, Дмитрий Любимов, Петр Зверев, Григорий Зорин.

В звучании этих имен и фамилий столько неповторимости, столько чудесной красоты, столько богатырской силы, что весь этот список звучит как музыка, как гимн России.

Такое ощущение, что ты оказался в какой-то заповедной роще...

Любопытно сравнить этот список со списком шлиссельбургских арестантов, хотя бы тех же народовольцев...

Николай Морозов, Михаил Фроленко, Михаил Тригопи, Григорий Исаев, Михаил Грачевский, Савелий Златопольский, Александр Буцевич, Михаил Попов, Николай Щедрин, Егор Минаков, Мейер Геллис, Дмитрий Буцинский, Михаил Клименко, Федор Юрковский, Петр Поливанов, Людвиг Кобылянский, Юрий Богданович, Айзик Арончик, Ипполит Мышкин, Владимир Малавский, Александр Долгушин, Николай Рогачев, Александр Штромберг, Игнатий Иванов, Вера Фигнер, Людмила Волкенштейн, Василий Иванов, Александр Тиханович, Николай Похитонов, Дмитрий Суровцев, Иван Ювачев, Каллиник Мартынов, Михаил Шебалин, Василий Караулов, Василий Панкратов, Михаил Лаговский, Иван Манучаров, Людвиг Варынский, Людвиг Янович, Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов, Василий Осипанов, Александр Ульянов, Петр Шевырев, Михаил Новорусский, Иосиф Лукашевич, Петр Антонов, Сергей Иванов, Василий Конашевич, Герман Лопатин, Николай Стродворский, Борис Оржих, Софья Гинсбург, Павел Карнович, Сергей Балмашов, Фома Качура, Михаил Мельников,

Григорий Гершуни, Егор Сазонов, Иван Кляев, Александр Васильев, Хаим Гершкович, Яков Финкельштейн, Михаил Ашенбреннер...

И хотя в этом списке немало достойных людей, но трудно отделаться от ощущения, будто идешь то ли по пожарищу, то ли по старой вырубке, заросшей неведомо чем.

И что из того, что в первом списке собраны солдаты-герои, а во втором – «Мы имеем тех преступников, каких заслуживаем», – говорил тюремный врач Шлиссельбургской крепости Евгений Рудольфович Эйхгольц! – государственные преступники. Нет... В первом списке люди, принадлежащие прежней Московской Святой Руси, а во втором – люди, которые о Святой Руси благодаря Петру I и его реформам не слышали и слышать не желали.

Шведский гарнизон вышел из крепости с четырьмя пушками и распущенными знаменами. Он состоял из 83 здоровых и 156 раненых – остальные пали во время осады и штурма. Солдаты шли с личным оружием, с пулями во рту в знак того, что они сохранили свою воинскую честь.

Русские потери составили 538 человек убитыми и 925 ранеными.

Павших во время штурма героев похоронили внутри крепости.

На стене церкви Иоанна Предтечи в 1902 году была установлена доска с их именами¹, но потом эту доску увезли в музей города.

Ну, а главный герой штурма, Михаил Михайлович Голицын, конечно, и догадываться не мог тогда, что взял крепость, которая через несколько лет станет тюрьмой для его брата, князя Дмитрия Михайловича Голицына.

5

На радостях Петр I переименовал Нотебург в Шлиссельбург, в ключ-город.

Считается, что этим ключом открывался путь к Балтийскому морю, но очевидно, что Петр I вкладывал в это название и более широкий смысл – ключа к победе в войне.

Все первые дни после взятия Шлиссельбурга Петр I пребывал в упоении от свершившегося чуда.

¹ Доску эту изготовил заключенный Шлиссельбурга, народоволец П.А. Антонов.

«Объявляю вашей милости, – пишет он Федору Матвеевичу Апраксину, – что с помощью победы даваца Бога крепость сия по жестоком и чрезвычайном, трудном и кровавом приступе (который начался в четыре часа пополуночи, а кончился по четырех часах пополудни) сдалась на аккорд, по котором комендант Шлипенбах со всем гарнизоном выпущен. Истинно вашей милости объявляю, что чрез всякое мнение человеческое сие учинено и только единому Богу в честь и чуду приписать».

Послание это, хотя и в дальнейшем Петр I не забывал разделять с Богом своих ратных побед, всё-таки выделяется повышенной и в общем-то несвойственной Петру религиозной экзальтацией.

Объясняется она тем, что Петр I ясно осознавал не только стратегическое значение одержанной победы, но и ее исторически-мистический смысл.

Дед его, царь Михаил Федорович, первый в династии Романовых, был коронован 90 лет назад, после изгнания поляков из Москвы. Петр I, его внук, освободил сейчас последнюю, потерянную в годы смуты крепость.

Как тут было не возрадоваться!

Не случайно по указу Петра I в память взятия Орешка была выбита медаль с надписью: «Был у неприятеля 90 лет».

Слова Петра I о том, что «чрез всякое мнение человеческое сие (*взятие Орешка*. – **Н.К.**) учинено и только единому Богу в честь и чуду приписать» – слова *русского* царя.

Когда караульный солдат увидел замерцавший из-под кирпичной кладки свет Казанской иконы Божией Матери, он смотрел глазами *русского* солдата.

И явственно было явлено и царю, и солдату, как смыкаются эпохи...

В 1612 году, перед тем как пойти на штурм, молились ратники Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского перед Казанской иконой Божией Матери.

Задержавшись на девяносто лет, 1612 год пришел и в древнюю русскую крепость Орешек. И здесь, завершая освобождение Руси от иноплемennых захватчиков, явилась Казанским ликом своим Пречистая Богородица!

Мы уже говорили, что священник Ермолай, который первым разглядел икону Казанской Божией Матери, превратился в святителя Гермогена.

Нам неведомо, кем стал солдат, первым увидевший шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери.

Может, он погиб в бесконечных петровских войнах, а может быть, закончил жизнь в крепостной неволе.

Другая эпоха, другое время пришло...

Как известно, скоро Петром I вообще будут запрещены чудеса на Русской земле.

Петр I – сохранились только глухие упоминания о его распоряжении поместить обретенную икону в крепостной часовне – по сути никак не отреагировал на находку, не захотел рассмотреть того великого значения, которое скрыто было в обретенной шлиссельбургской иконы Казанской Божией Матери.

Почему не захотел он увидеть этого чуда?

6

Соблазнительно объяснить совершившуюся в государе перемену шлиссельбургским трагико-комическим эпизодом, приведшим к разрыву Петра I с его любовницей Анной Монс.

15 апреля 1703 года в Шлиссельбурге «зело несчастливый случай учинился; первый доктор Лейл, а потом Кенигсен... утонули внезапно».

Это прискорбное, но не слишком значимое событие тем не менее оставило след в истории, потому как в кармане саксонского посланника Кенигсена нашли любовное письмо Анны Монс.

Измены Анны (напомним, что ради нее Петр I заставил постричься в монастырь свою жену царицу Евдокию!) Петр не ожидал и так и не простил любовницу до конца жизни.

Сама Анна Монс, как известно, была посажена под арест, и только в 1706 году ей разрешили посещать лютеранскую церковь. Пострадала и Матрена Ивановна Балк, которая пособляла сестре в ее романе с Кенигсеном. За свои хлопоты Матрене Ивановне пришлось отсидеть в тюрьме три года...

Ну, а два десятилетия спустя скатится с плахи и голова брата Анны – Вильяма Монса.

Поэт Андрей Вознесенский описал казнь Анны Монс, хотя казнена была не она, а ее брат, в «Лобной балладе»²:

*Царь страшон: точно кляча, тощий,
Почерневший, как антрацит,
По лицу проносятся очи,
Как буксующий мотоцикл.*

² Андрей Вознесенский. Ахиллесово сердце. М. «Художественная литература», 1966.

*И когда голова с топорика
Покатилась к носкам ботфорт,
Он берет ее
Над толпою,
Точно репу с красной ботвой!*

*Пальцы в щеки впились, как клещи,
Переносицею хрустя,
Кровь из горла на брюки хлещет.
Он целует ее в уста.*

*Только Красная площадь ахнет,
Тихим стоном оглушена:
«А-а-анхен!..»
Отвечает ему она:*

*«Мальчик мой, государь великий,
Не судить мне твоей вины,
Но зачем твои руки липкие
Солоны?»*

*Баба я,
Вот и вся провинность.
Государства мои в устах,
Я дрожу брусничной кровиночкой
На державных твоих устах.*

*В дни строительства и пожара
До малюсенькой ли любви?*

*Ты целуешь меня, Держава,
Твои губы в моей крови.*

*Перегаром, борщом, горохом
Пахнет щедрый твой поцелуй,*

*Как ты любишь меня, Эпоха,
Обожаю тебя,
Царуй!»*

Разумеется, соединить Анну и Вильяма Монса в единый объект любви и расправы Петра I автору стихов помогла его неотягощенность знанием истории, однако сработала тут и логика петровской мифологии. Любое злодеяние, которое совершал и которое не совершал Петр I, эта мифология заранее объясняла и оправдывала самой атмосферой «дней строительства и пожара» Петровской эпохи.

Возможно, посещая Шлиссельбург, Петр I вспоминал о горечи унижения, которое пережил, читая вынутое из кармана утонувшего Кенигсена любовное письмо Анны Монс...

Но одной только личной досады, как ни глубока была она, не доставало для начала строительства новой государственной мифологии.

7

Первый шаг на пути создания этой мифологии, которая хотя и соприкасалась с прежней русской историей, но не столько продолжала, сколько преобразовала ее на новый, петровский, лад, Петр I сделал, переименовав старинный русский Орешек в Шлиссельбург.

На Государевой башне укрепили ключ от крепости, что означало: взятие Орешка открывает путь к Балтийскому морю.

Впрочем, ключом этим пользовались недолго.

Уже 1 мая 1703 года был взят Ниеншанц, стоящий при впадении Охты в Неву, и Петр I начал искать место для строительства в устье Невы новой русской крепости.

14 мая 1703 года на берегах Невы было теплым и солнечным...

В этот день Петр I, как утверждает анонимное сочинение «О зачатии и здании царствующего града С.-Петербурга», совершал плавание на шлюпках и с воды «усмотрел удобный остров к строению города»...

Как только государь высадился на берег, раздался шум в воздухе, и все увидели «орла парящего». Слышен был «шум от парения крыл его».

Сияло солнце, палили пушки, а орел парил над государем и в Пятидесятницу, когда, посоветовавшись с сопровождавшими его фортификаторами: французским генерал-инженером Жозефом Гаспаром Ламбером де Герном и немецким инженером майором Вильгельмом Адамом Кирштенштейном, Петр I отверг не подверженное наводнениям место при впадении Охты в Неву и заложил новую крепость на Заячьем острове.

Тогда государя сопровождали духовенство, генералитет и статские чины. На глазах у всех, после молебна и водосвятия, Петр I взял у солдата башнет, вырезал два куса дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу!»

Потом в землю был закопан ковчег с мощами Андрея Первозванного. Над ковчегом соорудили каменную крышку с надписью: «От воплощения Иисуса Христа 1703 мая 16-го основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем самодержцем всероссийским».

И снова возник в небе орел – «с великим шумом

парения крыл от высоты спустился и парил над оным островом.

Однако закладка города этим не ограничилась.

Поразмыслив, Петр I приказал «пробить в землю две дыры и, вырубив две березы тонкие, но длинные, и вершины тех берез свертев», вставил деревца в землю наподобие ворот.

Орел же опустился с высоты и «сел на оных воротах».

С ворот орла снял ефрейтор Одинцов и поднес его государю, который пожаловал гордую птицу комендантским званием³...

8

У Александра Сергеевича Пушкина в знаменитом описании этих событий орлов нет...

*На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася, бедный челн
По ней стремился одиноко,
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца.
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел,
И думал Он:
«Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу».*

И все равно, хотя всё тут подчеркнуто реалистично, первые строфы вступления к «Медному всаднику» возносят нас в петровскую мифологию стремительнее ручных орлов, на которых оттачивало свое остроумие не одно поколение российских историков.

Читая пушкинские строки, мы представляем Петра I стоящим на земле, на которую никогда не ступала нога русского человека, и в результате, с легкой руки поэта, в общественном сознании сложилось устойчивое убеждение, будто земли вокруг Петербурга в допетровские времена представляли собою неведомую и чуждую Православной Руси территорию.

И происходит это вопреки нашим знаниям! Ведь, читая Пушкина, мы помним, что свет православия воссиял над Ладогой задолго до крещения Руси, и это отсюда, из древнего уже тогда

Валаамского монастыря, уходил крестить язычников Ростовской земли преподобный Авраамий. И то, что самая первая столица Руси, Старая Ладога, тоже находится в двух часах езды от Санкт-Петербурга, – неоспоримый факт. И русская крепость Орешек, которую всего за полгода до основания Петербурга отбил у шведов Петр I, тоже ведь стояла здесь почти четыре столетия!

Но все эти факты, а вместе с ними и вся веками намоленная русская земля, что окружала место закладки будущей столицы Российской империи, одной только силою пушкинского гения оказались отодвинуты от Санкт-Петербурга.

Однако Пушкин не был бы Пушкиным, если бы ограничился поставленными ему рамками. Читаешь «Медного всадника» и понимаешь, что А.С. Пушкин погружался в петровскую мифологию еще и для того, чтобы изобразить внутреннее состояние Петра I, чтобы объяснить выбор, сделанный первым русским императором.

Место, где вскоре поднялся Санкт-Петербург, действительно было *пустым*. Из-за постоянных наводнений здесь не строили ничего, кроме убогих изб чухонских рыбаков.

Но такое *лустое* место и искал Петр I.

Санкт-Петербург закладывался им как город-символ разрыва новой России с Древней Русью.

Это поразительно, но в этом – вся суть петровских реформ...

Они накладывались на Россию, нисколько не сообразуясь с ее православными традициями и историей, и вместе с тем были благословлены униженной и оскорбленной Петром Русской Церковью.

Возможно подсознательно, но Петр I выбрал для города именно то место древней земли, которое действительно всегда было *лустым*, которое и не могло быть никем населено в силу незащищенности от природных катаклизмов.

Сюда уводил Петр I созидаемую им империю, здесь, на заливаемой наводнениями земле, пытался укрыть он от нелюбимой им Святой Руси свою веру в Бога, свой освобожденный от православия патриотизм!

Осуществить задуманное было невозможно, и хотя Петр I прилагал все силы, чтобы достичь своей цели, всё получалось не так, как задумывал он, а так, как должно было быть.

³ «Оной орел зимовал во дворце; по построении на Котлине острову крепости святого Александра оной орел от Его Царского Величества во оной Александровой крепости отдан на гобвахту с наречением орлу комендантского звания».

9

Петр I не пожелал придать значения государственного события чудесному обретению иконы Казанской Божией Матери в Шлиссельбурге... Видимо, ему не хотелось начинать историю новой столицы с Казанской иконы Божией Матери, поскольку это вызывало воспоминания и параллели, не вмещающиеся в его новую мифологию.

Но Казанская икона Божией Матери, как мы знаем, всё равно пришла в Санкт-Петербург.

Вдова старшего брата и соправителя Петра I Иоанна V, царица Прасковья Федоровна, известная своим старомосковским благочестием, привезла, перебравшись в Санкт-Петербург, сделанную по ее заказу увеличенную копию Казанской иконы Богородицы.

Икону эту царица Прасковья Федоровна поместила в часовне, неподалеку от своего местожительства на Городовом острове (Петроградская сторона), и часовня эта стала называться Казанской.

С 1727 года образ, привезенный в Петербург царицей Прасковьей Федоровной, начинает признаваться чудотворным, и для него возводятся десятилетия спустя один из главных петербургских храмов – Казанский собор.

Так, вопреки своеволию Петра I, появилась Казанская икона Божией Матери в новой русской столице, так из-за своеволия Петра I шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери, почти целое столетие прождавший за кирпичной кладкой человека, который освободит здешнюю землю от неприятеля и вернет икону России, по-прежнему остался за стенами крепости.

Взявший Нотебург Петр I считал, что он не освобождает, а завоевывает эти земли. Разница незначительная, если говорить о результате военной кампании, но чрезвычайно существенная, если вернуться к духовному смыслу войны, которая велась тогда на берегах Невы.

Потом стали говорить, что Петр I прорубил окно в Европу...

На самом деле окно в Европу здесь было всегда и требовалось только отодрать старые шведские доски, которыми это окно было заколочено.

Но Петр всё делал сам, и даже когда он совершал то, что было predetermined всем ходом русской истории, он действовал так, как будто никакой истории не было до него и вся она – это

болезнь всех реформаторов в нашей стране! – только при нем и начинается.

И в этом и заключен ответ на вопрос, почему Петр не захотел узнать о чудесном явлении шлиссельбургской иконы Божией Матери...

Нет, не русский Орешек освободил Петр, а взял шведскую крепость Нотебург, и тут же основал здесь свой Шлиссельбург. Как могла вместиться сюда Казанская икона Божией Матери, неведомо когда, до всяких прославлений, появившаяся здесь?!

И шлиссельбургская икона Казанской Божией Матери так и осталась в крепости. Только в царствование Александра III вспомнили про нее...

«1883 год. Июня 15 в девять часов утра изволили прибыть в город Шлиссельбург, посетить шлиссельбургскую крепостную часовню, слушать краткое молитвословие и лобызать явленно-чудотворную икону Богородицы Их Императорския Высочества Государь император Александр III и Государыня Императрица Мария Федоровна с Августейшими сыновьями Николаем и Георгием Александровичами, Великим Князем Алексеем Александровичем и Великою Княгинею Мариею Александровною».

«1884 год. Июня 18 дня в десять часов утра изволили посетить крепостной рам и часовню и слушали краткое молитвословие Их Императорские Высочества Великий Князь Владимир Александрович и супруга его Государыня Великая Княгиня Мария Павловна».

Примерно в то же время начинается широкое народное почитание шлиссельбургской иконы Божией Матери. От нее происходят многочисленные чудеса. На крестный ход, который совершался 8 июля, собирается множество народа. В окружении «не одних жителей Шлиссельбурга, но и тысяч пришло народа» икону пронесли вокруг города. «И вся эта многотысячная толпа с благоговением стремится, чтобы хотя тень чемстной иконы осенила их во время шествия».

В 1890 году крепостная часовня расширяется «для удобнейшего помещения богомольцев».

В этой часовне и помещался шлиссельбургский образ Казанской Божьей Матери.

Была икона здесь и тогда, когда привезли в Шлиссельбург каторжника Варфоломея Стояна (Федора Чайкина).

Этот человек (если можно называть человеком такого святотатца) 12 июля 1904 года вместе со своими подельниками украл из летнего храма Богородицкого женского монастыря города Казани первообраз чудотворной Казанской Божией

Матери, содрал с него драгоценную ризу, а саму святую икону сжег...

Рядом со шлиссельбургским образом Казанской Божией Матери и предстояло отбывать свой каторжный срок этому злодею.

Впрочем, шлиссельбургская икона Казанской Божией Матери пережила злодея. Пережила она и пожар, который устроили на острове Орешек в феврале 1917 года освобожденные из тюрьмы бандиты.

Тринадцать лет спустя икону эту видел народо-ловец Иван Павлович Ювачев (отец знаменитого Даниила Хармса).

«Встал в 4 часа утра, – записал он 15 (28) июля 1930 года в своем «дневнике», опубликованном в прошлогоднем «Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского дома». – Обедня на Афанском подворье. Поехал на Смольную пристань, где встретил из дома отдыха экскурсантов. В восемь с половиной часов пароход с нами отправился по Неве. Сначала я сидел в нижней палубе и пил чай. Потом – наверху. Пристали к городу. Я сбегал в городской собор, в его часовню и приложил к копии иконы Божией Матери Казанской. Мне сказали, что подлинная икона из крепости в старой часовне на берегу, но я поспешил на пароход, который вскоре отправился в крепость. Как только мы вышли на берег, то бросились на траву и стали яростно закусывать хлебом, огурцами, маслом, свежими рыбными консервами. Затем осмотр тюрем. Я побывал в своей камере №23, потом был в церкви Иоанна Предтечи, где выставлены наши портре-

ты... Я уехал раньше других в г. Шлиссельбург на военном катере, чтобы побывать в часовне на берегу, где Казанская чудотворная икона...»

Это последнее упоминание о шлиссельбургской иконе, которое мне удалось найти. Но стоишь на Литургии, которую совершает в развалинах Храма Рождества Иоанна Предтечи в Шлиссельбургской крепости его настоятель игумен Евстафий (Жаков), и вместе со словами молитв разгорается надежда на чудо. Рядом со стоящими здесь же, в развалинах церкви, бронзовыми бойцами стрелковой роты 1-й дивизии НКВД и 409-й морской батареи, которые обороняли в годы войны и крепость, и этот храм, так хочется надеяться, что найдутся и другие следы шлиссельбургской Иконы Божией Матери Казанской, что не потерян еще для нас этот шлиссельбургский след Святой Руси...

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдаря», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

